

Татьяна Суходуб
Сила беззащитности
(памяти Максимилиана Волошина)

Каждый человек хрупок, легко уязвим даже малочисленным коллективом (тем более, агрессивным), слаб, ибо вся его сила всегда недостаточна в соотношении с многоликим миром людей, заметно ограничена, особенно в телесно-физическом смысле. Да и живёт человек в непредсказуемых, нередко жестоких и жёстких по отношению к нему обстоятельствах, потому легко при традиционном для новейшей истории «праве» на человеческие жертвоприношения может быть не по-человечески «вразумлён», сломлен или просто убит (ведь убеждать тяжелее...). И, тем не менее – человек и бесконечен в своих духовно-нравственных силах и возможностях, и неимоверно силён, особенно в ситуациях, когда все надежды неустойчивого, враждующего мира на сохранение культуры как культа человечности сходятся именно на нём, несильном и беззащитном... Тогда из собственной слабости, беззащитный человек, который, по образу Б. Паскаля, подобен тростнику – гнётся, но не ломается, рождает в себе особую силу, преодолеть которую, при всей смертельной угрозе личного не-бытия, никто и ничто не может. Откуда же вырастает эта человеческая мощь и сила у беззащитного?

Невольно думала об этом, перечитывая драгоценные строки стихотворений, писем, заметок, статей М.А. Волошина – поэта, художника, литературного критика, переводчика, философа, архитектора (в прямом и переносном смысле) Дома Поэта в Коктебеле, уникальнейшего «места на Земле», созданного им для всех, кто жил, живёт и будет жить удивительным искусством – творением мира культуры – созиданием «из ничего», то есть «из всего», что есть в душе Мастера: *«Но разве может быть что-нибудь страшно, если весь свой мир несёшь в себе?»*¹. Так отзывался Волошин на события грозного 1917 года, пронеся свой не-страх через такие испытания, которые мало кому-либо ещё были бы по силам. Но предчувствовал ли он тогда (не интуитивно абстрактно, а чувственно зримо), с чем в совсем недалёком времени придётся столкнуться, что непосредственно пережить?

Голодные годы гражданской войны, мытарств, забот, полной непредсказуемости завтрашнего дня вылились в вполне конкретные зловещие обстоятельства:

---

¹ Волошин М.А. Собрание сочинений. Т. 11, кн. 2. Переписка с Маргаритой Сабашниковой. Книга вторая. 1906-1924; [сост. К.М. Азадовский, Р.П. Хрулева; подготовка текста Р.П. Хрулевой; коммент. К.М. Азадовского; под общей ред. А.В. Лаврова]. – М.: Эллис Лак, 2015. – 784 с. – С. 689.

«Современность доходит до меня в виде угроз: знакомые и друзья считают долгом осведомлять меня о разговорах, ведомых по моему адресу. По очереди все меня предупреждают: “Берегитесь Чека – оно очень настроено против вас и непременно вас арестует, как сочувствующего белым”. А с другой стороны: “Ну, как только перемена, мы расправимся с Волошиным в первую голову. Он ещё заплатит за свой большевизм”. Deux raus!². Приятно родиться поэтом в России, приятно чувствовать сочувствие и поддержку в безымянных массах своих сограждан. С каждым разом этот вопрос становится более и более остро: кто меня повесит раньше: красные – за то, что я белый, или белые – за то, что я красный?»³.

Вынужденно нетворческое, непоэтическое существование в мире, всё больше поглощённого войной «всех против всех», по сути, было выпадением из жизни, насильственным вытеснением всех и каждого в дотоле неизвестное, до конца не понимаемое измерение (не)бытия – пространство бесконечных тревог и потерь, изнывной тоски и безнадеги; подмены подлинного, человеческого нечеловечным и неподлинным... Можно ли было в этих обстоятельствах искать, а главное – найти путь к человечности, к бытию подлинно истинному?

Отмечу, что для М.А. Волошина Истина никогда не имела, образно говоря, вне- и наиндивидуального «размера», растянутого «на всех», а являлась выплавленной только из собственного сердца, из личной ответственности за бытие, из существования личностного, всегда отдельного от всякой безликой коллективности, ибо: *«Истина прекрасна тогда, когда она цветёт и лучится из самого человека, является естественной эманацией человека. Люди же, раздавленные сообщёнными им истинами и старающиеся их передать другим, только компрометируют их. <...> Чем глубже и подлиннее истины, тем более искажёнными кажутся лики их передатчиков. Там, где есть подлинная свобода, познание, искание, Вы видите сухое догматическое утверждение и узкое сектанство. Конечно, это не у всех. Крупные люди несут истины, уже переплавленные собственным духом»⁴.* Иначе говоря, истина, по мысли Волошина, не может быть неличной, не связанной непосредственно с обстоятельствами человеческого бытия «здесь» и «теперь»; истина не может пребывать где-то вне человека, в абстрактно существующей, например, идее, агрессивно входящей в его сознание с пропагандистско-идеологической навязчивостью неотвратимой силы якобы «всех» и «для всех», но реально – не каждого и не для каждого...

---

² Два отечества! (фр.)

³ Волошин М.А. Записи 1932 г. // Волошин М.А. Все даты бытия. О себе и о других; [составление, предисловие Т. Алешка; подготовка текста, примечания З. Давыдов, В. Купченко]. – М.: ЗАО «Плюс-Минус», 2004. – 348 с. – С. 232-309. – (Мой 20 век). – С. 261.

⁴ Волошин М.А. Собрание сочинений. Т. 13, кн. 1. Письма 1925-1928; [сост. А.В. Лавров, подгот. текста А.В. Лаврова, И.Н. Палаш, Г.В. Петровой, Р.П. Хрулевой; коммент. А.В. Лаврова, Г.В. Петровой; под общей ред. А.В. Лаврова]. – М.: Азбуковник, 2015. – 656 с. – С. 13.

Историческая же современность приветствовала принципиально иную работу. Создавались условия не во имя и не во благо поднимающейся во весь свой духовный рост личности, способной отринуть в своих жизненных и духовных устоях толпу и всякого рода усреднённую, массовидную, идеологичную (партийность⁵, т.е. частичность, неполноту) сознания, а, напротив, требовалась деятельность в угоду массы, унифицированных по определённому стандарту «всех». Восприимчивость же отдельного, особенного, уникального, неповторимого, каждого... становилась исторически «не нужной», не востребованной социальными силами абстракцией. Поэт, философ, безусловно, понимал разрушительность для жизни, для культуры личностной (не общественной, не коллективной) такого принципа усреднения. По сути, действовал политический «заказ» на формирование определённого человеческого типа, который можно было бы обозначить как «человек послушный». Когда многими эта губительная тенденция общественного бытия ещё едва-едва улавливалась, М.А. Волошин высказывался вполне определённо: *«Газета обычно вся проникнута “неу<ва>жением” – к личности, к творчеству, к правде. Политические отзывы и оценки в этом отношении куда ещё хуже литературных. Тут всё сплошная передержка»*⁶.

Раненое кровавыми событиями сознание Поэта как будто видело бездну небытия, испытывая страх «возвращения» в новую историю докосмического (хаосоподобного, неупорядоченного творчеством по закону гармонии) человеческого существования. Кажется, что его душа буквально цепенела от невозможности защитить Бытие:

Войны, мятежей, свободы

Дул ураган;

В сраженьях гибли народы

Далёких стран.

<...>

На берег сбегали люди.

Был слышен треск

Винтовок и гул орудий,

И крик, и плеск.

Выламывали ворота,

Вели сквозь строй,

Расстреливали кого-то

Перед зарёй.

---

⁵ от лат. pars, partis – часть, группа.

⁶ Волошин М.А. Собрание сочинений. Т. 13, кн. 1. Письма 1925-1928; [сост. А.В. Лавров, подгот. текста А.В. Лаврова, И.Н. Палаш, Г.В. Петровой, Р.П. Хрулевой; коммент. А.В. Лаврова, Г.В. Петровой; под общей ред. А.В. Лаврова]. – М.: Азбуковник, 2015. – 656 с. – С. 11.

*Блуждая по перекрёсткам,
Я жил и гас
В безумьи и в блеске жестком
Враждебных глаз;
Их горечь, их злость, их муку,
Их гнев, их страсть,
И каждый курок и руку
Хотел заклясть.
Мой город, залитый кровью
Внезапных битв,
Покрыть своей любовью.
Кольцом молитв.
Собрать тоску и огонь их
И вознести
На распростертых ладонях:
“Пойми... Прости!”*

(М. Волошин. Молитва о городе)

Тем не менее, массовое, неиндивидуальное, нечеловечное всё напористей заполняло собой публичное пространство, заменяя и подменяя собой личностное. Нечувствительность к явному злу становилась приметой времени. Уже никто никого ни о чём не спрашивал, метафизически не вопрошал (зачем вопросы при полной ясности ставших обыденными кровавых событий) и ни в чём не убеждал – людьми пользовались и без малейших сомнений – по праву идеи, массы, по праву силы, по сути – по «праву» кулака и ложной убеждённости в собственной правоте:

*В кулачном праве выросли законы
Прекрасные и кроткие в сравненьи
С законом пороха и правом пулемёта.
Их равенство в предельном напряженьи
Свободных мускулов,
Свобода – в равновесьи
Звериной мощи с силами природы.*

(М. Волошин. Кулак)

На этих основаниях выстраивалась «новая» жизнь. Привитые «правом пулемёта» ответы (неметафизического, конечно, свойства, а нужные, выгодные сильным, победившим) легко устанавливали правила существования. Индивидуальный выбор предполагался только в выборке, причём весьма нехитрой – одного из двух

(бытия/не-бытия), осуществляемой обыденно, просто: *«Но знаете, с подобными господами у нас расправа короткая: пуля в затылок, и кончено...»*⁷, – пояснял М.А. Волошину принцип отношения к людям начальник керченской контрразведки ротмистр Стеценко. Речь шла о спасаемом поэтом (и спасённом!) генерале Н.А. Марксе, исполняющем при большевиках обязанности заведующего Отделом народного образования. С той же несложной, но неизменно действующей логикой, решающей вопросы ценой крови (чужой!), не видящей в человеке высшую ценность бытия, сталкивался Волошин и в последующей своей личной борьбе за каждого (всегда важного для него!), сталкивался вновь и вновь:

«– Маркс? Этот негодяй? Изменник?..

– Простите, полковник, я совсем иного мнения...

*– Но теперь положение в России просто: есть красные, есть белые! Одно из двух, что он за белых или за красных? Середины быть не может»*⁸.

Удивительно, как при этих жёстко и жестоко действующих правилах Поэт мог спасти, и понятно вполне, что без предельной человечности найденных М.А. Волошиным слов в защиту того же Н.А. Маркса: *«Видите, я Максимилиан Волошин – и еду вслед за ним, чтобы быть его защитником на военном суде и чтобы не допустить по дороге расстрела без суда»*⁹, вряд ли бы этот человек остался в живых. Как видим, Максимилиан Александрович выступил в тяжёлые годы гражданского противостояния подлинным миротворцем. Он не разделял людей на «красных» и «белых», правых и неправых, а защищал каждого, кто в этом нуждался, привнося своей незаметной, непубличной заботой о конкретном человеке в, казалось бы, навсегда разорванный мир – мир. Даже душа упоминаемого нами грозного, непримиримого начальника контрразведки несколько умиротворилась, по-человечески смягчилась перед силой волошинской беззащитности, оттаяла к человечности... и, в общем-то, именно он подсказал Поэту правильный ход последующих действий по спасению Маркса: *«Я предоставил ротмистру Стеценко говорить жестокие и кровожадные слова до тех пор, пока в нём самом под влиянием моей незримой, но очень напряжённой молитвы не началась внутренняя реакция, и он сказал: “Если вы хотите его спасти, то прежде всего вы не должны допускать, чтобы он попал в мои руки. Сейчас он сидит у коменданта. И это счастье...”»*¹⁰.

---

⁷ Волошин М.А. Записи 1932 г. // Волошин М.А. Все даты бытия. О себе и о других; [составление, предисловие Т. Алешка; подготовка текста, примечания З. Давыдов, В. Купченко]. – М.: ЗАО «Плюс-Минус», 2004. – 348 с. – С. 232-309. – (Мой 20 век). – С. 279.

⁸ Там же. – С. 275.

⁹ Волошин Максимилиан. История моей души; [составитель В.П. Купченко]. – М.: АГРАФ, 2000. – 478 с. – (Символы времени). – С. 329.

¹⁰ Волошин М.А. Записи 1932 г. // Волошин М.А. Все даты бытия. О себе и о других; [составление, предисловие Т. Алешка; подготовка текста, примечания З. Давыдов, В. Купченко]. – М.: ЗАО «Плюс-Минус», 2004. – 348 с. – С. 232-309. – (Мой 20 век). – С. 279.

Нельзя не сказать, что, кроме Н.А. Маркса, среди волошинских «крестников» были большевики Илья Хмелевский (Хмилько) и Всеволод Вишневский, ставший впоследствии писателем, «белый» подпоручик Сергей Эфрон и поэт О. Мандельштам, участница Французского сопротивления в годы Второй мировой войны Е.Ю. Кузьмина-Караваева, известная всему миру под именем матери Марии и другие, оставшиеся неизвестными.

Однако, хотелось бы подчеркнуть, что М.А. Волошин не только преподавал современникам (да и человечеству в целом) урок подлинной культуры – культуры человечности. В его негромком, личном сопротивлении террору, конечно, проявилась личностная мировоззренческая позиция, связанная с редкой среди людей нравственной чертой – быть ответственным за других, но из жизни праведника вызревало и принципиально новое (диалоговое!) мировоззрение, чуждое доминирующему тогда, образно говоря, «баррикадному сознанию», когда:

И там и здесь между рядами

Звучит один и тот же глас:

«Кто не за нас – тот против нас.

Нет безразличных: правда с нами».

(М. Волошин. Гражданская война)

В исторических перипетиях не-любви человека к человеку, убивающих вечные культурные начала творческого бытия, М.А. Волошин всегда выбирал не идеи и не идеологии, а человека, живого и желающего жить... Философ и гражданин мира М.А. Волошин выстраивал принципиально «иную» логику и «иную» этику – солидарности и человечности. Отсюда, из этой новой «этической логики», устанавливающей человеческие правила бытия людей среди других людей, выросло волошинское иное-мыслие (*инакомыслие* в век противостояний и борьбы насмерть), оплачиваемое по характерному для человеческого бытия закону – предельного одиночества:

А я стою один меж них

В ревущем пламени и дыме

И всеми силами своими

Молюсь за тех и за других.

(М. Волошин. Гражданская война)

В позиции Волошина-поэта, Волошина-гражданина, Волошина-философа наблюдается не просто ситуация «меж...». «Меж них» можно было бы понимать как пребывание на некой границе, меже, разделяющей какие-то определённости. Это демонстрировало бы и возможное соскальзывание в иное, означающее только одно – вот-вот займу нужное, правильное, однозначное положение и соответственно – столь

же одномерное отношение ко всему происходящему... Волошинское «пограничье» совсем иной природы. В первую очередь, как представляется, в его «А я стою один меж...» акцент сделан на «один». Если «меж...» – символ «пространственного» положение мыслителя в определённой ситуации, то «один» раскрывает его *метаисторическое, надвременное* (совмещающее времена в вечность) положение. Но как всё-таки понимать это «мета/над»? Было ли это созерцанием «свысока» или с «выс́ока»?

Думаю, что Поэт говорил о нравственно-мировоззренческой позиции, которую можно было бы назвать «третьей» правдой, не укладывающейся в «баррикадное», столь характерное для эпохи, мышление, привычно разделяющее людей на антагонистически противостоящие друг другу части (партии): «Кто не за нас – тот против нас»... Волошинская же правда несла принципиально иную культуру мышления, иную логику – не разделять, враждовать и добиваясь полной победы (которой никогда не достичь), а соединять, совмещать разное, учиться жить без вражды при всей разности и отличиях. Поэт тем самым выражал вечное, от сократовской традиции идущее начало – веру в человечность, определяемую не по внешним условиям бытия, не по усреднённым (идеологически заданным) правилам, а по силе *безусловного* (как неизменного начала человеческого духа и культуры). Отсюда, пожалуй, рождается и его знаменитое: «*В дни революции быть Человеком...*» (М. Волошин. Доблесть поэта).

Вопросы, тем не менее, остаются. Что же вело Поэта в серьёзных личностных испытаниях послереволюционных лет, что делало его человеком неусталым, готовым идти куда угодно и говорить с кем угодно, что помогало ему преодолевать старую-новую бессмыслицу – непонимания, вражды, противостояния, разрушающих едва-едва устанавливающуюся в мире человеческой культуры гармонию? Какой закон человеческого бытия открыл Волошин, позволивший ему быть столь отчаянно бесстрашным при всей явной его незащитности?

На наш взгляд, этот волошинский закон можно обозначить как закон *неисключённого третьего*. Чтобы понять его, сопоставим с традиционным – законом «исключённого третьего», ведь именно на нём, применяемом в социальном смысле, и базируется разрушительная для мира людей «баррикадная» логика – кто не с нами, тот... Открытый ещё Аристотелем, этот логический закон нацеливает мыслить по принципу «или – или» (истинно утверждение или ложно?). И «третьего» тут не дано. Это означает, что не может быть никакой «серединной» истины, которая произрастает как из одного суждения, так и из другого (противоположного по смыслу) суждения об одном и том же предмете. Будем мыслить иначе – не поймём реальность, а подменим её

собственным произволом, допущенным в познании. Ну, а если истинное положение дел нас не интересует? А если «реальность» нам важна только та, что отражает наши собственные представления о ней, без опоры на принцип объективности (кстати, именно на таком отношении к миру базируются утопии)? В таком случае мы готовы подменить логическое содержание закона содержанием социальным; готовы применить его в качестве и практического закона общественной жизни, причём как закона прямого действия – «кто ещё не с нами?». Безусловно, такая подмена одного закона (весьма важного для мышления), по сути, другим, ложным, обязательно поставит человека перед жестоким выбором – с нами ты или против нас и «третьего» не дано. Так жёстко действующий логический закон, становящийся, как правило, в переходные революционные эпохи и социальным, ведёт только к одному результату – «логике» насилия, принуждения, разрушения (изнутри!) и так хрупкого мира людей и культуры. Иначе говоря, отсутствующая культура мышления становится небезопасной в социальном смысле.

В таком образом созданном, запредельном для сил человека мире-«театре», на подмостках которого всего лишь одна «повторяемая» пьеса – борение человека с человеком, идеи с идеей, духа с духом (кто и что правее, левее, центрее, патриотичнее и т.д.), рождается только одна форма «творчества» – эстетика безобразного как бытия безобразного (без образа!), в котором эстетически-этические идеалы, метафизические смыслы подменяются лозунгами, девизами, призывами, речёвками, социальными иллюзиями, политическими мифами, «новыми» (старыми) идеологемами. Чем проще предлагаются решения, тем лучше (для кого только?). А душа Поэта говорит... – с собою ли? со всеми ли? или с теми только, кто ещё жив для трудного вопрошания, обращённого к Бытию:

*И гнилотной пронизан дрожью
Томлюсь и чувствую в тиши,
Как обезболенному ложью,
Мне вырезают часть души.
Не знать, не слышать и не видеть...
Застыть как соль... уйти в снега...
Дозволь не разлюбить врага,
И брата не возненавидеть!*

(М. Волошин. Газеты)

Понимая, но не принимая, подмену логического социально-историческим, М.А. Волошин действует согласно своему собственному закону, никому кричаще его не навязывая, не взывая других к его исполнению, но неизменно ему следуя... В этом

волошинском законе «не “исключённого” третьего» под этим «третьим» имеется в виду культура, снимающая антагонистические противостояния людей, гасящая, как кажется – неразрешимые, противоречия, находя (всегда!) пути к бескровному их разрешению. За этим «третьим», которое не исключить ни при каких обстоятельствах, стоит духовный опыт многовекового культивирования любовного внимания к отдельному человеку – каждому, независимо от вероисповедания, идейных убеждений или (столь же идейных!) заблуждений.

Вот об этом особом волошинском умении соединять разных и разное в культурой определяемом целом – историческом и метаисторическом, преходящем и вечном, близком и далёком, прекрасно сказала М.И. Цветаева: *«Макс принадлежал другому закону, чем человеческому, и мы, попадая в его орбиту, неизменно попадали в его закон. Макс сам был планета. И мы, крутившиеся вокруг него, в каком-то другом, большом кругу, крутились совместно с ним вокруг светила, которого мы не знали»*¹¹. Вторил ей и Вяч.И. Иванов: *«поэт-иерофант, ведающий тайны»*¹².

Выпадением, правда, из общего строя мыслей о М.А. Волошине являются воспоминания И.А. Бунина: *«Максимилиан Волошин был одним из наиболее видных поэтов предреволюционных и революционных лет России и сочетал в своих стихах многие весьма типичные черты большинства этих поэтов: их эстетизм, снобизм, символизм, их увлечение европейской поэзией конца прошлого и начала нынешнего века, их политическую “смену вех” (в зависимости от того, что было выгоднее в ту или иную пору); был у него и другой грех: слишком литературное воспевание самых страшных, самых зверских злодеяний русской революции»*¹³. В рассуждениях Бунина присутствует не только неоднозначная оценка деятельности Волошина («вёл себя всё же очень странно»), но и открытое неприятие отдельных его поступков, относящихся к зиме-весне 1919 года – времени пребывания поэта в Одессе. Справедливости ради отметим, что при всех сложностях их взаимоотношений, но именно у Буниных Волошин провёл свою последнюю одесскую ночь перед отъездом в Крым в начале мая 1919 г., о чём Иван Алексеевич писал: *«Беседовали долго и на этот раз почти во всём согласно, мирно»*¹⁴.

За что же упрекал, от чего предостерегал Волошина Бунин, что осуждал в нём? Один из сюжетов, описанных писателем, касается создания профессиональных союзов, в которых Волошин увидел возврат к «средневековым цехам», и активно поддерживал

---

¹¹ Цветаева Марина. Живое о живом // Волошин М. Любовь – вся жизнь. Стихотворения. Переводы. Статьи. Воспоминания о Максимилиане Волошине. Избранное; [сост., ил., вступ. сл., коммент. Н.М. Мирошниченко]. – Симферополь: ДИАЙПИ, 2008. – 368 с.; ил. 16 с. – С.271-325. – С. 301.

¹² Иванов Вяч. И. Родное и вселенское; [сост., вступ. ст. и прим. В.М. Толмачёва]. – М.: Республика, 1994. – 428 с. – (Мыслители XX века). – С. 3.

¹³ Бунин И.А. Волошин // Бунин И.А. Окаянные дни. Неизвестный Бунин; [сост., предисл. О. Михайлова]. – М.: Молодая гвардия, 1991. – 335[1] с. – («Возвращение»), том 10, книга 2. – С. 254-265. – С. 254.

¹⁴ Там же. – С. 262.

это начинание одесских собратьев, однако, наткнулся на грубое неприятие со стороны определённой их части: «*Товарищи!*» Но тут тотчас же поднимается дикий крик и свист: буйно начинает скандалить орава молодых поэтов, занявших всю заднюю часть эстрады: «*Долой! К чёрту старых, обветшалых писак! Клянёмся умереть за Советскую власть!*» Особенно бесчинствует Катаев, Багрицкий, Олеша. Затем вся орава «в знак протеста» покидает зал. Волошин бежит за ними – «они нас не понимают, надо *объясниться!*»¹⁵. Для писателя это волошинское – «они нас не понимают...», тем более, его желание «объясняться»..., было категорически неприемлемым. Мир разделился несоединимо и уже не найти оснований, даже малейшей возможности, для взаимопонимания. Это позиция И.А. Бунина. А вот М.А. Волошин вновь и вновь пытается найти несуществующие скрепы, «склеить» разорванные и расходящиеся всё дальше «вправо» / «влево» куски несоединимого... В самом деле, уже никто и ничто не соединимы?

Ещё один, описанный И.А. Буниным, сюжет, по сути, «повторяет» открывшуюся разность их восприятия происходящего. Касается он празднования 1-го мая, в подготовке которого одесские большевики приглашают принять участие художников – «в украшении города». Бунин предупреждает товарища: «...не бегайте к большевикам, они ведь отлично знают, с кем вы были ещё вчера. Болтает в ответ то же, что и художники: *“Искусство вне времени, вне политики, я буду участвовать в украшении только как поэт и как художник”*. – *“В украшении чего? Собственной виселицы?”*»¹⁶. Жёсткая, безусловно, полемика, жёсткая оценка... Так кто же из них прав? А может быть – никто не прав? Или правы оба? Возможен ли хоть какой-то внятный ответ?

На наш взгляд, в этой бунинско-волошинской полемике в них самих как раз и «говорит» та принципиально разная культура мышления, о которой уже шёл разговор, и на которой базируются и мышление, и действие, как отдельных людей, так и коллективностей. По сути, речь идёт о монологическом мышлении, исходящем из «баррикадной логики» «исключённого третьего», и о диалогическом, всегда ориентированном на «третье» – культуру человечности.

Бунинская позиция однозначна, её можно было бы выразить так – бывают времена, когда «добро» и «зло» проходят между людьми, поэтому не только сотрудничество, но и любой компромисс невозможны. Целесообразность именно такого отношения обосновывает он, указывая на нечеловечность новой власти: «*Вот девятнадцатый год: этот год был одним из самых ужасных в смысле большевицких злодеяний. Тюрмы Чека были по всей России переполнены, – хватали кого попало, во всех подозревая*

---

¹⁵ Там же. – С. 260.

¹⁶ Там же. – С. 261.

контрреволюционеров...»¹⁷. Волошинская же позиция также однозначна – в любых обстоятельствах человеческого бытия «добро» и «зло» не может проходить (и не проходит!) между людьми, но в каждом человеке содержится, как добро, так и зло, и нужно учиться уводить человека от зла к добру. Именно, отсюда рождается, на наш взгляд, непоколебимое убеждение Поэта: *«Когда на земле происходит битва, разделяющая всё человечество на два непримиримых стана, надо, чтобы кто-то стоял в своей келье на коленях и молился за всех враждующих: и за врагов, и за братьев. В эпоху всеобщего ожесточения и слепоты надо, чтобы оставались люди, которые могут противиться чувству мести и ненависти и заклинать обезумевшую реальность – благословением. В этом высший религиозный долг, в этом “Дхарма” поэта»*¹⁸. Именно эти слова дают ключ к пониманию линии судьбы М.А. Волошина в годы гражданской войны, когда он не на словах, а на деле, силой собственной души пытался преодолеть бело-красное противостояние «фанатиков непримиримых вер». И его позиция не была отнюдь не критическим «примиренчеством» выживания в новых условиях. Волошин прежде всего не принимал ненависти как формы общественных отношений, всей своей жизнью и творчеством утверждая силу любви, доказывая, что любить можно только любовью, но не ненавистью, что только любовью можно созидать себя и свой человеческий (и человеческий!) мир. Отсюда волошинское категоричное: *«Ненависть является одной из форм выражения любви только для сердец не просветлённых»*¹⁹.

Как видим, весьма по-разному, категорически не сходясь друг с другом, мыслили во времена мировых катастроф и революционных социальных трансформаций И.А. Бунин и М.А. Волошин... – почему по-разному? Ответим – научимся жить иначе..., без баррикадного противостояния, но с таким <не>исключённым «третьим» как культура, рождаемая высшим типом человеческой деятельности – творчеством.

Волошинский же урок человечности и мощной силы незащитного человека навсегда, для всех...

Благородство деяний, неброская величавость смертного (значит хрупкого, уязвимого человека) и истинное величие человеческого духа, отважная мудрость и подлинность личности, искренность в отношениях к другим, личное мужество в смертельно опасных ситуациях ради этих других, часто – едва знакомых... – это Максимилиан Александрович Волошин, «близкий всем, всему чужой»...

---

¹⁷ Там же. – С. 264.

¹⁸ Волошин М.А. Судьба Верхарна // Волошин М.А. Все даты бытия. О себе и о других; [составление, предисловие Т. Алешка; подготовка текста, примечания З. Давыдов, В. Купченко]. – М.: ЗАО «Плюс-Минус», 2004. – 348 с. – С. 196-202. – (Мой 20 век). – С. 202.

¹⁹ Там же. – С. 202.

Список использованной литературы

1. Бунин И.А. Волошин // Бунин И.А. Окаянные дни: Неизвестный Бунин; [сост., предисл. О. Михайлова]. – М.: Молодая гвардия, 1991. – 335[1] с. – («Возвращение»), том 10, книга 2. – С. 254-265.
2. Волошин М.А. Записи 1932 г. // Волошин М.А. Все даты бытия. О себе и о других; [составление, предисловие Т. Алешка; подготовка текста, примечания З. Давыдов, В. Купченко]. – М.: ЗАО «Плюс-Минус», 2004. – 348 с. – С. 232-309. – (Мой 20 век).
3. Волошин Максимилиан. История моей души; [составитель В.П. Купченко]. – М.: АГРАФ, 2000. – 478 с. – (Символы времени).
4. Волошин М.А. Собрание сочинений. Т. 11, кн. 2. Переписка с Маргаритой Сабашниковой. Книга вторая. 1906-1924; [сост. К.М. Азадовский, Р.П. Хрулева; подготовка текста Р.П. Хрулевой; коммент. К.М. Азадовского; под общей ред. А.В. Лаврова]. – М.: Эллис Лак, 2015. – 784 с.
5. Волошин М.А. Собрание сочинений. Т. 13, кн. 1. Письма 1925-1928; [сост. А.В. Лавров, подгот. текста А.В. Лаврова, И.Н. Палаш, Г.В. Петровой, Р.П. Хрулевой; коммент. А.В. Лаврова, Г.В. Петровой; под общей ред. А.В. Лаврова]. – М.: Азбуковник, 2015. – 656 с.
6. Волошин М.А. Судьба Верхарна // Волошин Максимилиан. Все даты БЫТИЯ. О себе и о других. – М.: ЗАО «Плюс-Минус». – 348 с. – (Мой 20 век). – С. 196-202.
7. Иванов Вяч. И. Родное и вселенское; [сост., вступ. ст. и прим. В.М. Толмачёва]. – М.: Республика, 1994. – 428 с. – (Мыслители XX века).
8. Цветаева Марина. Живое о живом // Волошин М. Любовь – вся жизнь. Стихотворения. Переводы. Статьи. Воспоминания о Максимилиане Волошине. Избранное; [сост., ил., вступ. сл., коммент. Н.М. Мирошниченко]. – Симферополь: ДИАЙПИ, 2008. – 368 с.; ил. 16 с. – С.271-325.